

УДК 1(091):11.8
ББК 87.3:87.152.12

Ирина Викторовна Гравина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Россия, Москва, e-mail: ei-rene@ya.ru

**Единое в философии А.Ф. Лосева
и «солнечная генология» Эгиля Виллера¹**

Аннотация. Предпринята попытка сравнения ряда философских идей А.Ф. Лосева с аналогичными идеями малоизвестного в России норвежского антиковеда Эгиля Виллера (1925–2021) и его оригинальным подходом к античной философии. Предметом рассмотрения является неоплатоническое учение о Едином (генология), которое артикулируют и развивают оба автора независимо друг от друга, но имея при этом сходные интенции. Подчеркнуто, что оба философа подходили к проблеме Единого с религиозных позиций, во многом преследуя апологетические цели в среде, чуждой религиозным системам. Генология в их работах выступает как конституирующая основа дискурса христианской философии в качестве апофатического начала, наследующего традиции раннего христианского неоплатонизма, но на языке современных философских понятий. Отмечено, что Виллер не просто вводит в научный оборот саму генологию, полагая ее перспективным направлением для современной философии, но и вступает в диалог с хайдеггеровой философией, вводя еще понятие генологического различия (*henological difference*). Наконец, отмечено, что пристальное внимание к генологии характерно не только для указанных философов, но и в целом для философии XX века. Сделан вывод о взаимодополняемости взглядов мыслителей.

Ключевые слова: генология, учение о Едином, генология Виллера, античная философия, неоплатонизм, феноменология, постметафизика, апофатизм, философия А.Ф. Лосева

Irina Viktorovna Gravina

National Research University “Higher School of Economics”, PhD in Philosophy, Research fellow, International Laboratory of Russian-European Intellectual Dialogue, Moscow, Russia, e-mail: ei-rene@ya.ru

**The One in the philosophy of A.F. Losev
and “Solar Henology” of Egil Wyller**

Abstract. This article attempts to compare a number of philosophical ideas of A.F. Losev with those of the Norwegian classical scholar Egil Wyller (1925–2021), little-known in Russia, and his original approach to ancient philosophy. The subject of consideration is the Neoplatonic doctrine of the One (*henology*), which both authors articulate and develop quite independently of each other, yet with remarkably similar intentions. It is emphasized that both philosophers approached the problem of the One

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>. The research was funded by the Russian Science Foundation № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

from a religious standpoint, largely pursuing apologetic goals within an environment alien to religious systems. In their works, henology acts as the constitutive basis of Christian philosophical discourse, serving as an apophatic principle that inherits the traditions of early Christian Neoplatonism, but articulated in the language of modern philosophical concepts. It is noted that Wyller not only introduces henology into scholarly circulation, considering it a promising direction for contemporary philosophy, but also engages in a dialogue with Heidegger's philosophy, introducing, among other things, the concept of "henological difference". Finally, it is observed that close attention to henology is characteristic not only of these two philosophers, but of 20th-century philosophy as a whole. The conclusion is drawn about the complementary nature of the thinkers' views.

Key words: henology, doctrine of the One, Wyller's henology, ancient philosophy, Neoplatonism, phenomenology, post-metaphysics, apophaticism, philosophy of A.F. Losev

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.072-086

Небольшой экскурс в историю проблемы Единого (или генология) хотелось бы начать с рассмотрения античной философии досократиков, платонизма и неоплатонизма, в которых генология обретает понятийную структуру как проблема одного и иного, блага-самого-по-себе «по ту сторону сущности» (ερεκεῖνα τῆς οὐσίας), апофатического Первоначала и его эманаций; затем – средневековой философии, которая развивает эту тему в рамках дискуссий о формировании Троичного догмата; философии эпохи Возрождения – трудов Николая Кузанского, мистика Мейстера Экхарта и герметических воззрений Джордано Бруно. В Новое время эта проблема теряет свою остроту и трансформируется в проблему Абсолюта². Будучи тесно связанной с религиозной философией, часто подразумевая под собой теологическое содержание, проблема Единого все в большей и большей степени исчезает из пространства рассмотрения европейского рационализма, уходящего в критику метафизических понятий, апогеем чего станет развитие позитивизма. В пике данной тенденции в русской религиозной философии XIX–XX вв. возникает повышенный интерес к этой теме.

Для русской религиозной философии (а именно, философии всеединства) тема Единого обусловлена православным мироощущением авторов и, по сути, обнаруживается еще в XIX веке в трудах Вл. Соловьева и славянофилов³, хотя еще не формулируется именно как генология, но содержит теорию божественного сверх-начала. Тем любопытнее, что в XX веке ей начинают интересоваться даже далекие от религии европейцы. П.П. Гайденок, отмечая внимание к данной

² О генезисе понятия Единого в истории философии см.: Кузьменко Г.Н. О перспективах использования термина «генология» в историко-философском исследовании. Вопросы философии. 2016. № 2. С. 213–216 [1].

³ Исследователи находят развитие данной темы уже у славянофилов (см., например: Петрова Л.А. Концепция соборности А.С. Хомякова в контексте представлений о единстве и множественности в византийской философии // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 119–130 [2]).

теме в философии XX века, пишет, что «в зависимости от того, какое из этих понятий признается верховным началом, можно говорить о двух типах метафизики – метафизике единого (генологии) или метафизике бытия (онтологии)» [3, с. 14]. Именно такую классификацию предлагает антиковед Эгиль Виллер. Тенденция интереса к этой теме затронула и французский постструктурализм (М. Фуко), и постмодернизм (Ж. Делез, А. Бадью), где звучит призыв к «низвержению платонизма»⁴ с его метанарративным мышлением, мышлением единства и иерархии, как образца изжившей себя метафизики, и более поздние версии постметафизической философии и теологии. У протестантского философа Райнера Шюрманна (Reiner Schürmann) возникает концепция, согласно которой генология видится как путь выхода из кризиса метафизики⁵. Сходные идеи можно увидеть у феноменолога Ж.-Л. Мариона и теолога Дж. Милбанка. Тема генологии интересовала не только европейских и русских исследователей. В статье «От генологической редукции к феноменологии имени»⁶ японский исследователь Шигеру Тагучи определяет мистическое созерцание в феноменологическом ключе. Автор проводит параллели между буддийской и платоновской традициями, акцентируя внимание на понятии Единого, обозначая «восхождение» к нему современным термином «редукция»⁷. А.Ф. Лосев, в свою очередь, писал, что в наиболее объемном виде тема апофатического Единого на Востоке была представлена в Упанишадах⁸.

Наконец, что касается истории самого термина «генология», то здесь можно сослаться на Виллера, который пишет: «...термин (enologie) был введен ... Этьенном Жильсоном, Париж, в 1948 году как характеристика неоплатонической мысли в рамках европейской средневековой традиции; в том же смысле и Йозеф Кох, Кёльн, позднее ввел в употребление слово “Einheitsphilosophie” (1956 г.)» [8, с. 5]. При этом Лосев отмечает куда более ранние источники: «Интенсивный анализ платоновской солнечной генологии в духе Прокла начинается в середине 20-х годов нынешнего столетия. Небезынтересно отметить, что такие первые две интерпретации платоновских “Парменида” и “Тимея” появились одновременно в Париже и в Москве. Парижский историк философии Жан Валь и автор настоящей работы впервые подробно проанализировали с этой точки зрения платоновские диалоги “Парменид” и “Тимей”, основополагающие для всего последующего развития платонизма, особенно для неоплатонизма» [9, с. 266–267]. Иными словами,

⁴ См.: Делез Ж. Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 330–367 [4].

⁵ См.: Schürmann R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13. P. 25–41 [5].

⁶ См.: Taguchi S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the “Name”: A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought // Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009. P. 51–64 [6].

⁷ Там же.

⁸ См.: Лосев А.Ф. Самое Самó // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое Самó / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 188–426 [7].

сперва о генологии заговорили исключительно как об оригинальной интерпретации при прочтении платоновских текстов (именно неоплатоникам принадлежат комментарии на «Парменид» Платона, где развивается идея об апофатическом Едином, *едином-которое-выше-бытия*). Однако вскоре, как мы отметили, платоническая проблема Единого вышла за пределы исключительно историко-философских штудий и заинтересовала философов своей актуальностью для современной философии в целом⁹.

Словом, проблема Единого в XX веке обрела как своих критиков, так и своих сторонников¹⁰. Настоящими апологетами генологии в XX веке становятся А.Ф. Лосев и Э. Виллер, причем, что самое интересное, определяли её крайне сходным образом.

Алексей Лосев: генология как абсолютная мифология

Важность понятия Единого для характеристики системы А.Ф. Лосева впервые отмечает А.Л. Доброхотов, участник упомянутого виллеровского генологического семинара: «речь идет о проблеме, которая волновала мыслителя на протяжении всей его интеллектуальной жизни: о Первоедином и формах его открытости познающему уму» [12, с. 5]. Наиболее активно Лосев размышлял над данной темой в ранний период творчества, часто и много он касался ее в 20–30-е годы, она лежала в основе толкования Лосевым платонизма, а апофатическая диалектика Дионисия Ареопагита¹¹ оказала огромное влияние на лосевскую концепцию символа и имени. Ряд работ Лосева непосредственно посвящен выяснению статуса Единого у конкретных европейских философов и в истории философии вообще (особенно примечательны тексты о Николае Кузанском¹²), стоит выделить работу о Германе Когене, посвященную анализу и критике его понятия «принцип происхождения» из «Логики чистого познания» с позиций

⁹ Споры идут не только о том, нужно ли современной философии Единое или этот метанарратив должен быть преодолен, но и о том, корректны ли неоплатонические комментарии на Платона в принципе, есть ли у него действительно эта самая «генология». Например, в работе «Философия беспредпосылочных начал» А.М. Гагинский полагает, что этот комментарий ошибочен и догматичен [10].

¹⁰ См.: Гравина И.В. Переосмысляя Единое: А.Ф. Лосев и европейская генология XX // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 76–85 [11].

¹¹ Обычно Лосев не пишет уже давно принятую приставку «Псевдо-»(Дионисий), хотя отмечает, что Ареопагитики слишком методологически развиты для эпохи Дионисия Ареопагита и лишь подписаны этим именем. Поэтому и в статье используются лосевские формулировки.

¹² См., в частности: Лосев А.Ф. Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии // Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 317–360 [13]; Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т. / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: ЯСК, 2016. Т. 1. 727 с.; Т. 2. 519 с. [14].

неоплатонизма¹³. Вот как комментирует цели Лосева О. Бычков: «Алексей Федорович поставил перед собой по человеческим меркам невыполнимую задачу просмотреть всю историю европейской мысли – от античности до конца средних веков – и в одиночку перевести выборки текстов по понятию Единого, причем в кратчайшие сроки, вероятнее всего в течение одного 1929 г.» [16, с. 122]¹⁴. При жизни Лосева эти исследования полноценно не дошли до читателя, посмертно опубликованы обширные фрагменты на эту тему¹⁵. Например, Лосев довольно детально прослеживает как «истощалось» понятие платоновского Единого в работе «Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии», отмечая, что логика отказа от генологии постепенно привела не просто к номинализму, но к уже современному ему позитивизму, а если идти вслед за мыслью Лосева, то и к кризису метафизического мышления в целом. Эта же тема акцентированно развита Лосевым в работе «Самое Самó», в которой прослеживается история развития сверх-начала, какие формы и имена оно получало в истории философии.

Хотя генология Лосева, в отличие от генологии Виллера, имеет понятийно не всегда артикулированную форму, она куда более методологически проработана. Если Виллер пытается актуализировать античные идеи, своего рода популяризовать их, то Лосев в работе «Диалектика мифа»¹⁶ разрабатывает целую систему (не говоря о том, что тема Единого содержится и в его антиковедческих работах), названную им абсолютной (мифологией). Последняя представляет собой диалектически обоснованную понятийно описанную модель Пресвятой Троицы. Диалектическая система Лосева буквально выстраивается вокруг понятия апофатического Единого, которое принимает катафатические формы мифа, имени, символа, числа. Будучи приверженцем античной диалектики неоплатоников, для которых это понятие было центральным, Лосев адаптирует его для своей собственной религиозной системы (в каком-то смысле так же, как его в свое время адаптировала патристика для описания Троицы). Пользуясь методом негативной теологии (Дионисий Ареопагит), Лосев утверждает истинность генологической трактовки Абсолюта как апофатического сверх-начала и, что важно, форм его выражения в свете относительных несовершенных социальных мифов, претендующих на истинность. Особенное значение здесь имеет критика социальных мифов – политических идеологем и экспансии позитивистской

¹³ См.: Лосев А.Ф. «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм [Электронный ресурс] // Журнальный клуб «Интелрос // Credo New. 2012. №1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html (дата обращения: 25.10.2025) [15].

¹⁴ Напомним, что подобной работе вполне успешно посвятил свою жизнь Эгиль Виллер.

¹⁵ О сложной судьбе этих текстов можно прочесть во введении к уже упоминаемому двухтомнику о Николае Кузанском, написанном Е.А. Тахо-Годи (см.: Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т.).

¹⁶ С этой точки зрения важен полный текст работы, то есть со всеми примечаниями, опубликованными посмертно. Именно в них подробно раскрывается понимание Лосевым *абсолютной мифологии*.

науки в сферу сакрального (его критики и отрицания) с ее уверенной трактовкой действительности. Критика философа направлена на материализм, он спорит с идеей отрицания трансцендентного. Кроме того, Лосеву важно вывести христианство из дискурса трансцендентального, которое оказалось там благодаря дуалистическому взгляду философии модерна на религиозные смыслы, далее получившему свое концептуальное завершение в критикуемой им кантовской «вещи в себе».

Для полемики с кантовским агностицизмом Лосеву очень важно понятие Единого, в котором он подчеркивает апофатическое измерение. Здесь ключевой момент заключается в том, что апофатизм – это не агностицизм. Неоплатонизм утверждал Единое как сверх-реальность, как реальность, в свете которой мир лишь копия, манифестация, отражение. В свете генологии под вопрос ставится не Абсолют, а мир со всем его несовершенством. Для полемики с первым ему очень важна концепция символа, поскольку так Лосев убирает конфликт материального и идеального, который заключается в вопросе первичности материального над идеальным, ведь в символической диалектике материя и идея есть нечто слитное. Два этих принципа гипостазируются лишь в когнитивном акте, при попытке проанализировать то или иное явление сознание неизбежно расщепляет данные начала, говоря о мире духовном и мире материальном, однако если говорить о реальности, то в ней они всегда едины и говорить о первичности какого-то из них нельзя. Отсюда абсолютный миф – это полнота идеального и реального, Бога и его воплощения, Бога и его творения, полнота смысла, к которому все стремится. Нарушение целостности абсолютного мифа приводит к мифам относительным.

Размышлял Лосев над проблемой Единого и в более поздний период. Например, можно привести ряд параграфов из 6 тома «Истории античной эстетики», где он сравнивает Плотина с Гегелем и Шеллингом, отмечая трансформацию или вовсе отсутствие у них темы неоплатонического Единого. Повторимся, что, согласно Лосеву, отказ от понимания Единого именно в неоплатоническом ключе имел далеко идущие последствия в пользу постепенного отказа от трансцендентного. Лосеву видится, что начальный импульс этого деструктивного процесса возник именно в метафизике Аристотеля, не понявшего должным образом учителя. Вот как это формулирует отечественный мыслитель: «Восток утверждает Единое в его абсолютной самостоятельности и независимости как в смысле предметного содержания, так и в смысле положения в общей диалектической системе; Запад же к Единому приходит через низшие сферы и поэтому, хотя с своей собственной точки зрения мыслит его тоже абсолютно самостоятельным, однако, если оценивать это учение объективно, сразу видно, что предметное содержание такого Единого ограничено кругом доступного низшим сферам» [17, с. 103]. Мистическая мысль о Едином, *которое-выше-бытия* (ερεκεῖνα

tes ousias) получила наибольшее развитие в неоплатонизме, а затем сохранялась только в религиозных учениях (не только христианских – она интересна и другим течениям и традициям, так или иначе основанным на неоплатонизме, гностицизме, герметизме)¹⁷. Краеугольным камнем этого разграничения, по Лосеву, является игнорирование латинством (Фома Аквинский, Бонавентура, Витело и др.) платиновской критики отождествления Единого и бытия, о чем он пишет в заключении текста «Об историческом контексте трактата Николая Кузанского “О неинном”». Исходя из этой максимы, Лосев противопоставляет западную философию отечественной, православную – неправославной, платонизм – аристотелизму, византийскую мысль – латинской.

Эгиль Виллер: генология на смену онтологии

Активной разработкой генологии как полновесного исследовательского направления занимался Эгиль Виллер (1925–2021)¹⁸ – норвежский ученый, исследователь-антиковед, переводчик Платона на норвежский язык, профессор университета в Осло, где долгое время возглавлял кафедру философии. Кроме работы по популяризации античного и христианского платонизма, Виллер известен в Норвегии и как популяризатор философии в целом – сооснователь философской серии книг «Идея и мысль», монографий о норвежских философах, сооснователь, а затем глава Платоновского общества (1971–1979 гг.). Особенно ценной и оригинальной является проделанная Виллером работа по изучению античного и средневекового наследия с точки зрения представления в ней проблемы Единого. На русском языке она издана как двуязычная (древнегреческий – русский) антология текстов о Едином «Учение о Едином в античности и средневековье»¹⁹, вышедшая в 2002 году. Наиболее примечательным для нашей темы фактом является и то, что Виллер – организатор так называемого *Генологического семинара*, результаты которого были опубликованы в качестве тематического сборника работ по античной и средневековой генологии (1998 г.)²⁰. В противовес нигилистическим тенденциям и позитивизма, и постмодернизма, который обращался к проблеме Единого сугубо критически, как к ключевому метанарративу

¹⁷ Например, в XX веке тема Единого крайне интересна неакадемическому, но популярному интеллектуальному течению «интегральный традиционализм» (Рене Генон, Фридьоф Шуон и др.).

¹⁸ Первая работа Виллера конкретно на эту тему, датируется 1972 годом (см.: Wyller Egil A. Henologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie, hrsg. von J.Ritter, Bd. 3, Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D [18]).

¹⁹ См.: Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 668 с. [19].

²⁰ См.: Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo/ Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998 [20].

изжившего себя платонизма (понимаемого как метафизика), Виллер параллельно развивал новый взгляд на философию через популяризацию генологии как направления²¹.

Как сам Виллер отмечает в небольшом вступительном тексте о генологии²², в современной ему философской среде Норвегии доминировали аналитическая философия и логический эмпиризм, представленные Арне Нессом и его окружением (так называемая школа Осло), с опорой на Венский кружок (особенно Рудольфа Карнапа). Для него, христианского платоника, распространение аналитической философии представлялось как новая, еще более разрушительная «брита Оккама». Поскольку существенной характеристикой этого философского направления был решительный отказ от классической традиции метафизики, то Виллер пытается реактуализировать метафизический дискурс через введение нового философского направления – генологии. Приведем ряд цитат Виллера на эту тему: «Со своей стороны, я рассматриваю “генологию” как термин для обозначения общей философской дисциплины, отличающейся от дисциплин “эпистемология” и “онтология”. Вопрос, относящийся к Одному (Платон, Плотин), должен быть отделен от вопросов о Бытии (Аристотель / Фома Аквинский) и Знания / Истины (Декарт, Кант) соответственно» [8, с. 5] (иными словами, Виллер рассматривает понятие Единого не просто как историко-философский концепт, но как целую новую дисциплину, основанную на ином понимании классической онтологии); «Поиск истины адекватно воспринимается как дисциплина (логики и) эпистемологии. Поиск бытия таким же образом понимается как дисциплина онтологии. Тогда как поиск Единого – как поиск красоты и добра – нуждается в более фундаментальной дисциплине для своего описания, и это то, что по праву можно назвать генологией (hen – единство и одно), дисциплина, которая включает в себя, через объединение, эпистемологию и онтологию» [8, с. 6]; ... «единое не может обозначаться через “быть” (или “не быть”))» [21, с. 630]. Генология, по Виллеру, дисциплинарно превосходит классическую онтологию. А кризис метафизического мышления связан не с Единым платонизма, как полагают постмодернисты, а с постепенным отказом от неоплатонической генологии²³.

Развивая и обосновывая генологию, Виллер интерпретирует платоновского «Парменида» через *образ пещеры* из диалога «Государство». Полагая его важнейшим сюжетом платонизма, своего рода ключом к пониманию платонов-

²¹ Для сравнения отметим, что Лосев принципиально не относил платоническую философию к метафизике, оставляя ее в рамках диалектики, которую полагал не метафизичной.

²² См.: Wyller, Egil A. The discipline of henology: a synopsis // Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998. С. 5–12.

²³ Оба автора полагают, что в истории европейской философии в вопросе понимания Единого главенствующую позицию занял аристотелизм, вследствие чего уже в схоластике Единое превращается в предикат, теряя статус сверх-реальности, а далее становится просто абстрактным понятием и в конечном итоге вообще отрицается.

ского учения, Виллер обращается к понятиям анабасиса и катабасиса, восхождения и спуска к миру идей²⁴. Образ пещеры здесь важен, поскольку именно солнце является для Виллера главной метафорой описания Единого; весь Платон – это попытка восхождения к Свету Истины. Он проводит параллель между «Государством», «Пиром» и «Парменидом», говоря о том, что идея Блага, Красоты и Единого – это имена одного и того же апофатического Единого первой гипотезы «Парменида» (в интерпретации Прокла). И все, что делает Платон, – по-разному утверждает его и неизменно показывает пути восхождения к нему. Иными словами, Виллер – своеобразный *неоплатоник XX века*, активно работающий над тем, чтобы популяризовать генологию антично-средневековых неоплатоников в целях удержания интереса к христианству, а также анализирующий христианскую метафизику с акцентированным вниманием к проблеме Единого в ней.

Противостоит Виллер не только аналитической философии. В виртуальном диалоге с Хайдеггеровым онтологическим различием он вводит понятие *генологического различия*, подчеркивая тот факт, что немецким философом была опущена принципиальная тема различения апофатического Единого и бытия²⁵: «Главная генологическая интуиция – это то, что Единое непостижимо, так что познаваемо только Иное. Различие между тем, что познаваемо и непознаваемым Единым, я называю *генологическим различием*» [8, с. 10]²⁶. Кроме того, подчеркивается важная для Виллера разность аристотелизма и платонизма. Виллер противопоставляет платоническую традицию (генологию) именно аристотелевской (онтологии), полагая, что это важнейший контрапункт в истории философии, – именно Аристотель²⁷ потерял остроту и этого различия, и апофатическое Единое, сделав его объектом метафизического мышления, онтологологии, в свою очередь ставшей объектом критики Хайдеггера и постхайдеггерианцев: «Аристотель, в своей теоретической оппозиции к Платону в *Метафизике*, схватил интенцию платоновского возвеличивания генологии, но основательно не согласился с концепцией Иного. Противоположно Платону он постулировал *to on kai talethes*, бытие и истину, как главную задачу мышления, ничто недостижимо “за

²⁴ См.: Wyller Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel // *Studia Theologica*, 1988. Vol. 42:1. P. 151–167 [22].

²⁵ А.М. Гагинский отмечает, что в XX веке генология стала противопоставляться онтологии по двум причинам – переоткрытие неоплатонизма и как ответ на критику фундаментальной онтологии Хайдеггера, который обошел вниманием неоплатонизм (см.: Гагинский А. М. Философия беспредпосылочных начал. С. 51).

²⁶ На эту тему чуть позже писали уже упоминаемый Райнер Шюрманн в своем фундаментальном труде “Broken hegemonies” (см.: Schürmann R. *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 с. [23]) и Адам Ноулз (Adam Knowles) в работе “Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference” (см.: Knowles A. *Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference* // *Journal of Speculative Philosophy*. 2013. Vol. 27(3). P. 265–276 [24]).

²⁷ Отметим, что европейская критика метафизики концентрируется вокруг философии Платона, а не Аристотеля, в то время как Виллер и Лосев видят истоки европейской метафизики именно у последнего.

пределами” этого (см. Met. IV, 1-2)» [8, с. 7]. Важность этих уточнений фиксируется им не только как разность интеллектуальных дискурсов, но и как религиозный вопрос, вопрос опасности забвения христианской мысли, отдаляющейся от полноты генологии, о чем, в отличие от бывшего под цензурой Лосева, он мог писать открыто: «Генология – это теория Единого и Иного, понимаемая как Любовная мысль о Боге, мире, человеке / душе в отношении того, что значит знать, быть и действовать. В рамках моей индивидуальной концепции любовная мысль подлинной генологии должна быть укоренена в любви к Иисусу Христу» [8, с. 12].

К сравнению и выводы

Обращенность русской религиозной философии к тематике апофатического Единого является ее неотъемлемой чертой, в то время как для западной философии XX века, исходя не только из виллеровских штудий (имеются в виду критика постмодернистами этого понятия), она выглядит свежо и даже остро. Лосев не писал открыто именно о генологии как отдельном философском направлении – он методологически отстаивал христианско-неоплатонический взгляд. И если прочесть его параллельно с Виллером, выстраивается удивительная созвучность и взаимодополняемость их идей, ведь оба в своих работах выступали против позитивистов и их критики религии, доказывая через обращение к платонизму истинность Единого.

Генология Лосева – это не просто проблема одного полузабытого на Западе античного понятия, а система, показывающая, как Первопринцип дан воспринимающему сознанию, проблема, которая решается у него через создание системы самообосновывающейся диалектики по типу неоплатонической. Называя себя христианским неоплатоником (в первую очередь Лосеву важен Ареопагитский корпус и следование ему), отечественный мыслитель активно исследует и использует проблематику апофатического Единого для создания собственной концептуальной системы обоснования истинности восточнохристианской (или византийской, как он выражался) мысли. Лосев не просто исследует тему – она методологически вплетена в его философию, отчего он постоянно из работы в работу проговаривает логику становления Одного (одно-ставшее-становление-символ), подчеркивая тем самым базовый характер генологии, – символ, миф, число, имя у Лосева формы выражения Единого. Для Лосева вопрос о Едином и теологический, принципиально-жизненный, и полемически заостренный одновременно. И у Виллера, и у Лосева за понятием Единого скрывается *Бог, который во мраке*, Бог Дионисия Ареопагита.

Виллеровская задача – настоять на истинности неоплатонического подхода к интерпретации платонизма, отстоять первую гипотезу Парменида и обозначить генологию не просто как одну из историсофских теорий, но как методологический и этический выбор. Задача Лосева, что принципиально, отстоять

не только Единое, но и многое в свете Единого (символогию, иконографию христианства). Оба понимали классическую модерную европейскую мысль как аристотелизм, отказавшийся от платоновского Единого, в существе своем являющимся интуицией (в античности) и обоснованием (в восточнохристианской мысли) Единого Бога, что привело к нарастающему истощению религиозных идей, и отсюда стремились развенчать атеистические и агностические тенденции в философии с помощью возврата к потерянным теологическим смыслам.

С текстами Виллера Лосев был знаком, положительно отзывался о них и называл его концепцию «солнечной генологией»: «...из всей современной солнечно-генологической интерпретации Платона мы больше всего рекомендовали бы ознакомиться с работой Э. Виллера, посвященной сравнительному анализу “Парменида”, “Пира” и “Государства”, с некоторым присоединением сюда и менее значительных для данной концепции “Иона” и “Федра”» [9, с. 267–268]. Однако первые упоминания Виллера у Лосева возникают уже в поздний период творчества (не говоря уже о том, что свой исследовательский путь Лосев начал гораздо раньше) – в «Истории античной эстетики», что свидетельствует о том, что рецепция антиковедческих штудий норвежца имеет место быть, но не является решающей. Лосев и Виллер независимо друг от друга приходят к Единому через активное знакомство с неоплатонизмом. Правда, влияние если не Лосева, то русской философии Виллер все-таки испытал, кроме того, знал паламизм, восточнохристианскую традицию (сам был лютеранином). В небольшом приложении к виллеровскому «Учению о Едином в античности и средневековье» приводится стенограмма его разговора с афонским монахом Никодимом, встреча с которым состоялась ввиду визита ученого на Святую гору. Виллер вспоминает: «Владимир Лосский был моим первым проводником в греческом православном богословии» [18, с. 667].

Различаются же системы Лосева и Виллера методологией – Лосев настаивает на античной диалектике, которая, в свою очередь, существенным образом пропущена через немецкую классику, а именно через Гегеля, Шеллинга, а также Гуссерля и неокантианцев. Отсюда у Лосева возникают специфические термины и понятийные определения вроде «единичность подвижного покоя самотождественного различия» (так он определяет эйдос); в целом Лосев отстаивает диалектику как единственный верный метод исследования платонизма, способный ухватить его существо (только так Единое может иметь и апофатические, и катафатические характеристики). Для Лосева диалектический метод так же формально важен, как содержательно важна генология. Оба полагают формальную логику недостаточной, но, в отличие от Лосева, образцом для которого в первую очередь были системы Прокла и Ареопагита, Виллер считает вершину развития генологии в антиномическом мышлении Николая Кузанского: «Генологическая пара противоположностей: Единое–Иное призвана заменить логико-онтологическую пару Тожество–Различие. Посредством гениального открытия Николая Кузанского в раскрытии концепта *non aliud* закон противоречия потерял свою

значимость, потому что иное – не иное (*aliud est non aliud*)» [8, с. 11]. Лосев же, тоже активно исследовавший генологию Кузанского, не отводил ей решающей роли в формировании теории Единого – Кузанский, по Лосеву, «не только часто цитирует Дионисия Ареопагита, но и фактически находится на его почве»²⁸, а его «неиное», аналогичное Единому платонизма, воспринималось Лосевым как последняя яркая форма обращения к этому понятию накануне его угасания.

Лосев вообще считал, что возникновение внимания к Единому в ту или иную эпоху говорит о серьезных потрясениях, значительных идейных сдвигах. Поэтому в заключение нельзя не отметить, что генология (особенно мысль Дионисия Ареопагита), совершенно непопулярная до недавнего времени на Западе²⁹, во второй половине XX в. станет объектом пристального взгляда не просто антиковедов, но и философов – сначала у Жака Деррида, а затем постметафизиков Ж-Л.-Мариона и Христоса Яннараса. Так древнейшая тема генологии вновь обретает не просто религиозно-апологетическое, но и общефилософское значение на фоне общего кризиса метафизического мышления в XX веке и воспринимается или как что-то что нужно преодолеть, или как что-то, что можно переосмыслить, или как что-то, что нужно снова актуализировать.

Список литературы

1. Кузьменко Г.Н. О перспективах использования термина «генология» в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 213–216.
2. Петрова Л.А. Концепция соборности А.С. Хомякова в контексте представлений о единстве и множественности в византийской философии // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 119–130.
3. Гайденок П.П. Единое, единство // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 14–18.
4. Делез Ж. Симулякр и античная философия // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 330–367.
5. Schürmann R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13. P. 25–41.
6. Taguchi S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the "Name": A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought // Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009. P. 51–64.
7. Лосев А.Ф. Самое Самó // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое Самó / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. С. 188–426.
8. Wyller Egil A. The discipline of henology: a synopsis // Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998. С. 5–12.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
10. Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал. М.: ИФ РАН, 2018. 193 с.
11. Гравина И.В. Переосмысление Единого: А.Ф. Лосев и европейская генология XX в. // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 76–85.

²⁸ См.: Лосев А.Ф. Самое Самó // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое Самó. С. 261.

²⁹ О внимании к Единому в постмодернизме см.: Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12(3). С. 28–33 [25].

12. Доброхотов А.Л. «Волны смысла», или Генология А.Ф. Лосева в трактате «Самое Самó» // Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самóе Самó. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 5–24.
13. Лосев А.Ф. Николай Кузанский и диалектический Перво-принцип в антично-средневековой философии // Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. С. 317–360.
14. Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: сборник: в 2 т. / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: ЯСК, 2016. Т. 1. 727 с., Т. 2. 519 с.
15. Лосев А.Ф. «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм [Электронный ресурс] // Журнальный клуб «Интелпрос // Credo New. 2012. № 1. URL: http://www.intelpros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html (дата обращения: 25.10.2025).
16. Бычков О.В. А.Ф. Лосев о понятии «Единого» в западной средневековой мысли // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 121–126.
17. Лосев А.Ф. Об историческом контексте трактата Николая Кузанского «О неинном» // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 105–120.
18. Wyller Egil A. Henologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie, hrsg. von J. Ritter, Bd. 3, Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D (дата обращения: 26.10.2025).
19. Виллер Э.А. Учение о Едином в античности и средневековье. СПб.: Алетея, 2002. 668 с.
20. Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998.
21. Wyller Egil A. Plato's "Parmenides:" Another Interpretation // The Review of Metaphysics. 1962. Vol. 15(4). P. 621–640.
22. Wyller Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel // Studia Theologica. 1988. Vol. 42:1. P. 151–167.
23. Schürmann R. Broken Hegemonies, Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 с.
24. Knowles A. Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference // Journal of Speculative Philosophy. 2013. Vol. 27(3). P. 265–276.
25. Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12(3). С. 28–33.

References

(Sources)

Collected works

1. Losev, A.F. Nikolay Kuzanskiy i dialekticheskiy Pervo- printsip v antichno-srednevekovoy filosofii [Nicholas of Cusa and the dialectical first Principle in Ancient-Medieval philosophy], in Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh v 2 t., t. 1* [Nicholas of Cusa in translations and commentaries in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy dom IaSK, 2016, pp. 317–360.
2. Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh: sbornik v 2 t.* [Collection "Nicholas of Cusa in translations and commentaries" in 2 vol.]. Moscow: JaSK, 2016, vol. 1. 727 p.; vol. 2. 519 p.

Individual Works

3. Delez, Zh. Simulyakr i antichnaya filosofiya [The simulacrum and ancient philosophy], in Delez, Zh. *Logika smysla* [The logic of sence]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011, pp. 330–367.
4. Dobrokhотов, A.L. «Volny smysla», ili Genologiya A.F. Loseva v traktate «Sámoe Samó» [“Waves of Meaning”, or A.F. Losev's henology in the tractate “Sámoe Samó”], in Losev, A.F. *Veshch' i*

inya. *Samoe samo* [The thing and The name. *Sámoe Samó*]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2008, pp. 5–24.

5. Gaginskiy, A.M. *Filosofiya bespredposylochnykh nachal* [Philosophy of unconditional principles]. Moscow: IF RAN, 2018. 193 p.

6. Losev, A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika* [A history of Ancient aesthetics. High Classics]. Khar'kov: Folio; Moscow: OOO «AST», 2000. 624 p.

7. Losev, A.F. *Sámoe Samó*, in Losev, A.F. *Veshch' i imya. Sámoe Samó* [The thing and The name. *Samoe samo*]. Saint-Petersburg: Oleg Abyshko, 2016, pp. 188–426.

8. Schürmann, Reiner. *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 p.

9. Wyller, Egil A. *Uchenie o Edinom v antichnosti i srednevekov'e* [The doctrine of the One in antiquity and the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002. 668 p.

(Articles from Scientific Journals)

10. Bychkov, O.V. A.F. Losev o ponyatii «Edinogo» v zapadnoj srednevekovoj mysli [A.F. Losev on the concept of the “One” in Western medieval thought], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 121–126.

11. Gravina, I.V. Pereosmyslyaya Edinoe: A.F. Losev i evropeyskaya genologiya XX veka [Rethinking the One: A.F. Losev and European henology of the twentieth century], in *Voprosy filosofii*, 2022, no. 10, pp. 76–85.

12. Knowles, A. Toward a Critique of Walten: Heidegger, Derrida, and Henological Difference, in *Journal of Speculative Philosophy*, 2013, vol. 27(3), pp. 265–276.

13. Kuz'menko, G.N. O perspektivakh ispol'zovaniya termina «genologiya» v istoriko-filosofskom issledovanii [On the prospects of using the term “henology” in historical and philosophical research], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 213–216.

14. Losev, A.F. Ob istoricheskom kontekste traktata Nikolaya Kuzanskogo «O neinom» [On the historical context of Nicholas of Cusa's treatise “De non aliud”], in *Voprosy filosofii*, 2016, no. 9, pp. 105–120.

15. Malkina, S.M. Edinoe i mnogoe: postmetafizicheskiy aspekt [The Singular and The Plural: Postmetaphysical Aspect], in *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2012, vol. 12(3), pp. 28–33.

16. Petrova, L.A. Kontseptsiya sobornosti A.S. Khomyakova v kontekste predstavleniy o edinстве i mnozhestvennosti v vizantiyskoy filosofii [The Concept “Sobornost” of A.S. Khomyakov in the Context of Ideas about the Unity and Plurality in Byzantine Philosophy], in *Khristianskoe chtenie*, 2019, no. 2, pp. 119–130.

17. Schürmann, R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics, in *Research in Phenomenology*, 1983, vol. 13, pp. 25–41.

18. Taguchi, S. From Henological Reduction to a Phenomenology of the “Name”: A Reinterpretation of Japanese Pure Land Thought, in *Frontiers of Japanese Philosophy 4: Facing the 21st Century*. Nagoya: Nanzan Institute for Religion & Culture, 2009, pp. 51–64.

19. Wyller, Egil A. In Solomon's Porch: A henological analysis of the architectonic of the Fourth Gospel, in *Studia Theologica*, 1988, vol. 42:1, pp. 151–167.

20. Wyller, Egil A. Plato's «Parmenides»: Another Interpretation, in *The Review of Metaphysics*, 1962, vol. 15(4), pp. 621–640.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

21. Gaydenko, P.P. Edinoe, edinstvo [The One, The oneness], in *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moscow: Mysl', 2010, pp. 14–18.

22. *Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo*. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998.

23. Wyller, Egil A. The discipline of henology: a synopsis, in *Henologische Perspektiven II. Zu Ehren Egil A. Wyllers. Internationales Henologie-Symposium an der Norwegischen Akademie der Wissenschaften in Oslo*. Oslo: Rodopi Bv Editions, 1998, pp. 5–12.

(Electronic Resources)

24. Losev, A.F. «Logika chistogo poznaniya» G. Kogena i neoplatonizm [Kogen's "Logic of Pure Knowledge and Neoplatonism"], in *Zhurnal'nyy klub «Intelros», Credo New*, 2012, no. 1. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo-new-2012-1/13141-logika-chistogo-poznaniya-g-kogena-i-neoplatonizm-iz-arhiva.html.

25. Wyller, Egil A. Henologie, in *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hrsg. von J. Ritter, Bd. 3. Basel-Stut: Schwabe & Co, 1972. URL: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.henologie%27%20and%20%40outline_id%3D%27hwph_verw.henologie%27%5D.